

18+ ДРЕЙ ШИЛИН



ПРОКЛЯТИЕ "БЕРЕЗОВОЙ РОЩИ"



зло только дремлет...

Андрей Шилин

Проклятие «Берёзовой рощи»

<https://litres.ru/74269357>

ISBN 9785007064491

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Арик Моше, древнееврейский гений и один из трёх, спасшихся в знаменитом избиении младенцев, приобретает дар создавать произведения искусства, способные оживать и воздействовать на человеческую душу. По воле обстоятельств он создаёт загадочную картину, проклятую и всегда жаждущую власти. Путешествие этой картины сквозь века и континенты ведёт к переворотам, к войнам, к силам, вечно борющимся за души людей...

Содержание

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ	13
ГЛАВА 1	16
СТАТЬЯ ВТОРАЯ	27
ГЛАВА 2	34
СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ	46
ГЛАВА 3	51
СТАТЬЯ ЧЕТВЁРТАЯ	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Проклятие «Берёзовой рощи»

Андрей Шилин

© Андрей Шилин, 2026

ISBN 978-5-0070-6449-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Андрей Шилин

Роман (мистическая реалити-автобиография)

Проклятие «Берёзовой рощи»

Тонкой красной ниткой слева направо вытягивается струйка тягучей дымящейся жидкости и сворачивается в крайней правой точке в румяный пузырящийся пирог. Я закрываю глаза, пытаюсь привести в порядок мысли, путающиеся в гудящей голове. Ничего. Будто бормашина сверлит мозг, вязнув в кашеподобной субстанции.

Приоткрыв глаза снова и с трудом вращая зрачками в набухших глазницах, я задерживаю взгляд на мутной бесформенной вещи, слегка покачивающейся рядом со мной. Что это? Никак не удастся сфокусировать внимание. Надо резко

до боли зажмуриться и постараться еще раз настроить зрение.

Проморгавшись, я наконец начинаю приходить в себя. Пелена с глаз сошла, что-то стало проясняться. Где я? В яме? В землянке? В сарае? Что я здесь делаю? Идиотски банальный вопрос. Особенно когда с раскалывающейся от боли головой лежишь на земляном полу какой-то берлоги с намеками на цивилизацию в виде рубленого дубового стола с двумя пенками и санузлом из ржавого ведра. Что такое? Я не могу пошевелить руками и ногами.

Покрутив головой, с удовольствием убеждаюсь, что данные части тела у меня хотя бы присутствуют, только скручены рыжей колючей проволокой и, похоже, затекли. Боли больше не чувствую. «Больше»?.. Почему я так сказал? Похоже, мой мозг что-то помнит, но подсознание не дает мне воспользоваться дорогой привилегией — памятью.

Так. Что все-таки висит надо мной? А! А-а! Это... труп. Он подвешен ногами вверх, а горло его разрезано от уха до уха. из разбухшего пореза саднит красноватая слизь и сворачивается, достигая пола. Не в силах сдержаться с судорожными позывами желудка, я сплевываю воздух, смешанный с желудочным соком, давлюсь, задыхаясь, хрипло дыша и издавая такую гортанную мелодию, что раньше мог бы посмеяться над ней, сравнив с пением простуженного петуха.

Я чувствую, как что-то приближается ко мне, кручусь, извиваясь. Где Он? Что это? Шагов не слышно, но постепенно

нарастает шелестящий шум, звук сотен шепотов и шорохов. Наконец в комнату вползает Он и движется ко мне. Он в балахоне из мешковины; на черепе, обтянутом бледно-желтой кожей, почти нет волос, зато мелкие пираньи зубы на выпирающей в этой части черепа морде не закрыты губами и постоянно хищно оскалены. Из-под балахона пятнистые восьмипалые руки с коричневыми когтями извлекают полотно косы и кладут рядом со мной. Он исчезает, а через некоторое время положение моего тела меняется, и я оказываюсь висющим вниз головой. Он берет косу и тихо направляется ко мне, скалясь и то и дело роняя зеленоватую слюну. Не надо! Не хочу! Не-е-е-т!

...Резко сев на кровати, я все еще кричу: «Не-е-ет!» Падаю назад и, долго не осознавая действительности, кручусь по кровати, сбрасывая одеяло, подушки и тоже пока не успевшую прийти в себя Маринку.

Она включает свет, и я застываю в постели в позе сломанной марионетки театра кукол имени Боткина. Затекившие руки начинают знакомо покалывать, убеждая меня в истинной причине их онемения. Чтобы как-то успокоить Маринку, улыбаюсь: «Ну что, хорошая моя, напугал я тебя? Прости. Это только сон, только кошмарный сон. Я больше не буду. Не веришь? Клянусь здоровьем венеролога. Иди ко мне!» Я протягиваю руки театральным жестом. Но она стоит, не двигаясь, а в ее глазах, пропитанных тревожным ужасом, я уже не вижу ничего успокоительного. Медленно, дрожащими ру-

ками, не сводя внимательного взгляда с моего лица, она подает мне настольное зеркальце с тумбочки. Дрожь ее холодных пальцев передается моим. Я с трудом поворачиваю зеркало к себе и тут же инстинктивно отшвыриваю его. Падая на пол, оно задевает тумбочку и ложится отражающей поверхностью вниз. То, что я увидел в зеркале, могло бы сойти за глупый розыгрыш, если бы такой имел место. Подняв зеркало, вторично подношу к своему лицу. Растресканное стекло, деформируя отражение, тем не менее, не исказило той зловещей детали, которая вселила в нас ужасное оцепенение. Три жирных капли крови падают с шеи на простыню, взрываясь микробрызгами. Только теперь я чувствую, как горло мое горит. Слева, под подбородком, две красные саднящие точки. Это глубокие тонкие проколы чем-то очень тонким, потому что кровь из вены не брызжет. Вокруг точек-проколов лиловый с прозеленью подтёк. Я, кажется, знаю что это и откуда. Надо предупредить Маринку. Жар в горле усиливается, выжигает мясо, мешает дышать. Я задыхаюсь. Я не могу дышать. Сознание покидает меня, и я падаю рядом с кроватью...

1

По узкой улице Иершалима с запылённой булыжной мостовой, кутаясь в серую хламиду и часто озираясь, пятого дня месяца Сиван в сторону Хасмонейского дворца крался, гремя подошвами сандалей и кривым посохом, тощий сутуловатый юноша с лицом, поросшим густым плетущимся во-

лосом. Молодого человека звали Арик Моше. Родился Арик третьего Тишрея 3761 года¹ в семье смотрителя Гефсиманфского сада. Отец Ошер мечтал, как сын станет великим и мудрейшим правителем за всю историю Иудеи и прославит семью. Однако дата рождения не сулила ребёнку счастливой судьбы, ибо уже была связана с печальными событиями в хронике иудейского народа.

Тогда вавилонский царь Навуходоносор, завоевав Иудею, не уничтожил страну, а поставил губернатором еврея Гедалию бен Ахикама, которого не только сам знал, но который был так же ценим и уважаем жителями своей земли. Один из потомков последнего иудейского царя, Ишмаэль бен Нетания, хитрый и завистливый, замыслил коварный заговор против Гедалии, который не обращал внимания на предостережения друзей. В третий день месяца Тишрей, во время празднования великого Рош а-Шана, он устроил кровавую резню, убив Гедалию и уничтожив вавилонский гарнизон, сам при этом скрывшись в близлежащем городе. Евреи оказались в непростой ситуации и решили спастись от гнева Навуходоносора в Египте. Однако вавилонский царь и там настиг беглецов, завоевав страну и безжалостно расправившись с её народом и несчастными беженцами. Так знаменательный праздник Рош а-Шана, омрачённый кровопролитием, привёл к грандиозной трагедии.

В это непростое время и появилось долгожданное дитя у

¹ **3761** год по еврейскому календарю = 1 году от Рождества Христова.

несчастливого Ошера. Появление первенца в мрачный праздник не веселило молодого отца. Высочайшим повелением кесаря Герода всем без исключения запрещалось под страхом смерти в этот год заводить потомство. Светлейший указ предписывал всех младенцев, появившихся вопреки строжайшему запрету, по доброй воле или по принуждению доставлять в Иерусалим к храму возле оврага Гей-Энном.

«Ежели случится кому воспрепятствовать исполнению указа кесаря лично или сторонне, да свершится справедливая кара над дерзким ослушником, да настигнет проклятие его и род его на тысячи тысяч лет». Эти слова венчали Светлейший указ. Этими словами началось Великое избиение младенцев.

Стоит ли говорить, как много матерей и отцов стали жертвами страшного указа! Ни самые последние из блудниц, ни даже доведённые безысходностью до самого края нищие не расстались по-доброму с чадами. Детей, уже родившихся на момент издания указа, скрыть уже было нельзя.

Видел счастливо-несчастный Ошер, как днём сновали римские кентурии, привозя в повозках кучи визжащих голеньких тел, как шайки наёмников ночами приводили группы причитавших, решившихся поровну разделить судьбу младенцев. До последнего причастия помнил Ошер в мельчайших подробностях казнь «располовинивая» в центре города, откуда по каменистым улочкам как по руслам рек текли

тысячи кор² крови, попадая в колодцы и делая воду непригодной для питья, а Сикоамская купель от крови стала бурой и, переполненная, протекла бурными ручьями.

Долго немигающим взглядом следил Ошер, как страшные повозки, с горкой наполненные уродливыми половинками, морозя сквозь щели по мостовой кровяными сгустками, бесконечными обозами свозили свой ужасный товар к Гей-Энному и в считанные дни наполнили овраг. Несколько недель спустя на этом месте выросла гора, пик которой был облеплен чёрным покрывалом воронья, а у подножия долгое время не утихали стонущие толпы. И ночь была похожа на день, и другой день был похож на предыдущий, и десятки грядущих как сотни минувших.

Ранние седины, посетившие отца Арика, в тот же год украсили набело весь народ. И многие поколения детей в последующие годы рождались седыми.

Но иначе сложилась судьба Арика: не оказался он в числе заочно приговорённых, медленно кативших в скрипучей повозке со скользким полом по дороге к плахе, установленной в центре города, не выклевал ему чёрный ворон-падальщик остекленевшие зрачки, не плакала по нему сутками напролёт безутешная мать.

А спас его от безвременной смерти отец. Хая, мать Арика, была на сносях, когда Ошер стал готовиться к рождению и спасению сына. Каждый день он собирал вести и слухи о

² 1 кор = 180 кав = 389 л.

несчастных случаях с новорождёнными

Когда же подошёл срок и у Хаи начались схватки, он увёл её в подвал, откуда не было слышно никаких звуков. Рождённый почти в полнейшей тишине, сын не издал ни малейшего писка, как будто чувствовал, к каким последствиям может привести эта естественная прихоть новорожденных. Обливаясь слезами, счастливые родители весь день ласкали дитя. А поздно ночью, когда спали даже сторожевые псы у городских ворот, Ошер взял лопату и надолго утонул в спасительной безлунной тьме. Когда он вернулся домой, шатаясь от усталости, без лопаты, грязный, с ободранными в кровь ладонями и лодыжками, с сорванными на руках ногтями и безумным взглядом, под мышкой он держал свёрток. Бедный сосед, да продлит Господь его годы, так никогда и не узнал, какова была судьба его умершего накануне ребёнка. Ошер очень аккуратно заровнял разрытую им свежую детскую могилу. После недолгого отдыха он взял сына от спавшей матери, прихватил новую лопату и унёс своё дитя в корзине за городскую стену в поле Алкедама. Здесь он вырыл яму, устроил землянку, поставил в неё колыбель, присыпал землёй и камнями, воткнув трубку для дыхания.

Наутро новоиспечённая мать, увидев рядом с собой почерневший труп, известила улицы города стенаниями. Так была обеспечена достоверность мёртворождения и искренность материнского горя.

В ночь Ошер отправился за спрятанным сыном, но оказа-

лось, что он слишком хорошо скрыл землянку и всю ночь безнадежно рыскал по Алкедамскому полю. Когда забрезжил рассвет, открылась наконец глазам отчаявшегося отца дыхательная трубка землянки. Раскопав подземное укрытие, Ошер увидел такое, от чего хотел было тут же предать себя смерти — яма, вырытая накануне, полностью была заполнена буро-зелёной жижей. Возможно, её достигли ручьи из Силоамской купели, и ручки корзинки с малышом едва выступали на поверхность лужи. Кратковременное помрачение рассудка выключило Ошера из реальности, и в это время он не был похож ни на себя, ни вообще на человека. Стражники, находившиеся тогда на крепостной стене Иершалима, рассказывали только, что слышали, как далеко в поле гиена человеческими словами призывала на землю Дьявола...

Вернулся Ошер домой поздним утром, когда город начинал привычную для того года жизнь. Под халатом он ощущал приятно тёплый шевелящийся... живой свёрток.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

— Слышь, мужики, новый анекдот!

— Опять!..

— Погоди, Динь! Давай, если свежий.

— Только громче, не слышно, ведь. Мы ж сегодня не на СОБРовском «Мерине».

— Короче, где у правильного мента должен быть пистолет?

— Опять!

— Ну... в кобуре.

— А нож?

— Где?

— В спине-э-э! Га-га-га!

— Ну ты, Лёх, сегодня зажёг! Я аж чуть кресло не намо-чил.

— Сам дурак!

— Тут ты, Алекбер, не совсем попал. Не бойся, если начальник — дурак, бойся, если дурак — начальник.

— Глубокий афоризм. Пять за грамотность и два за содержание.

— Кончайте, горячие финские парни. Вас что, сегодняшнее дело не интересует?

— Усё у порядке, шеф. Как там, Алексей Нострадамыч угадал с анекдотом?

— Не в тему. Мокруха голимая. Сейчас сами увидите. Приехали. Всё. На выход!

— Прощай, мой нежный друг, «Батон»! Нашим задницам будет не хватать тебя!

— Здорово, Михалыч, как тут по медицине для мёртвыхх? Где-то я это уже видел.

— Мужчина, лет 23—24. Смерть наступила, примерно, 5—6 часов назад в результате проникающего ранения колюще-режущим предметом в область сердца. Предположительно, копьём (вон — рядом валяется). Может быть, он даже кровью истёк. Возможно, перед смертью пытали — свежие ожоги на теле.

— Похоже, ритуал. Ну, ритуальное убийство.

— Та-а-ак, тело расположено вертикально на стене, лицом в комнату, руки в стороны. Ладони, локти, ступни и колени пробиты и зафиксированы дюбель-гвоздями. Голова трупа притянута к стене за волосы, прибитые монтажными скобами. На трупе светлая майка и чёрные трусы. Слева на майке в области груди горизонтальный разрез 8 сантиметров. А это что?.. Ген, пиши: «На груди трупа острым предметом вырезано «да не будет у тебя других богов, кроме Меня»! Что-то знакомое. Михалыч, не слышал?

— Похоже на заповедь Христа.

— Мужики. По базе пробил, соседей опросил. Итак, сегодня мы имеем знакомство с молодым человеком, который имеет некоторое отношение к правоохранительным органам,

то есть, конкретно говоря, условную судимость. Святослав Давыдовыч, 1991 года рождения, профессиональная кличка «Святой», сфера деятельности — религиозные секты: «Белое братство», «Аум Синрикё», «Новое рождение», «Спас Апокалипсиса» и т. д.³

— А откуда у святого судимость?

— По глупости. Один раз в ресторане по пьяни наехал на мужика, а тот оказался крутым чиновником. Госмашина завертелась — и вот вам результат. Жаль, докачать его не получилось.

— Шустрый Колобок! А что с соседями?

— Идеальный человек, по версии местных старушек. По характеристике идеально соответствует своему творческому псевдониму. А бабки, так просто влюблены в него. Одна, кстати, и обнаружила его. Её откачивать пришлось, «скорую» вызывать. Она шла-то к нему за очередным буклетом, что он распространял по подъездам. Зашла, а там труп на стене. Ну, она и кирдык.

— «Пальчиков» много?

— Да, но все принадлежат одному человеку.

— По-моему, всё ясно. Ну, я «на ковёр», а вы сами закончите, и жду «на базе».

³ «Белое братство», «Аум Синрикё» — организации, запрещённые на территории РФ.

ГЛАВА 1

Сегодня у меня открылся новый период творчества. Наконец-то закончилось время забвения и безвестности. Я давно стал замечать, что писатель, будь то классик или графоман, постоянно развивается, становится мудрее вместе со своим творчеством.

В юности я был полон любви. Любви к девушке, девушкам, женщинам. Трепетной, горячей, ревливой, злой, безумной, боготворящей, душащей, гнетущей, маниакальной. Семь дивных лет прошли как один ясный день. Моя муза была неиссякаемо навязчивой и плодотворной. Она дарила мне женскую страстную нежность, а я взамен возлагал на её алтарь всего себя, физически и духовно.

Моя поэзия была фонтаном, и я не стеснялся фонтанировать. Пришла известность, и хвастливая гордость переполняла мой цветущий организм. Да, это был поистине мой «золотой век».

Удивительное наслаждение доставляла мне убежденность в магическом свойстве моего слова. Оно давало мне безграничную власть и над юными девами, и над умудренными опытами дамами. Я был Бог и Дьявол в одном лице.

И вдруг как будто Солнце погасло. Мой путь упёрся в тупик.

Второй подъём был не такой блистательный, менее пыл-

кий и относительно первого стремительно короткий, но уже сознательный и хорошо финансируемый. Используя отработанные литературные приёмы и штампы, преследуя по большому корыстные цели, я рухнул в массовую литературу. Теперь уже не брезговал я юмористической поэзией, и мои стишки стали заполнять эфиры различных юморо-сатирических шоу, «Зеркал» и «Клабов». Потом пошли, посыпались, запылили детективы, любовные романы, фэнтези... Я стал богат, узнаваем. Можно даже сказать, уважаем. У меня появилось даже то, о чём я и не мог мечтать. И вдруг — всё!..

Месяц запойного пьянства дел не исправил. Но жизнь круто изменила полярность. В несколько недель я потерял всё, чего так долго добивался. Теперь я пил с бомжами, спал с бомжами. Как никто они меня понимали. Лишившись, не помню, как, своей квартиры, я бессознательно захватил с собой одну вещь — картину, подарок поклонника. Потом — опять неделя забытья в коммуникациях теплотрасс. Очнувшись, обнаружил, что лежу в подвале с картиной в подголовье, а мой живот распахан и грубо заштопан каким-то хирургом-самоучкой. Так я стал донором чего-то, кажется, почки. Нашупав в кармане флакон с «синькой», я хотел забыться, не чувствовать боли, а больше всего — растерянности и обиды, жгущих грудь сильнее самой крепкой «синьки»... Потом, обняв картину — моего невольного собутыльника, которому посвящал все мои исповеди — я расколол пустой флакон и осколками до потери сознания чиркал по тощим венам на

запаястях. Кровь, тем не менее, хлестала довольно живо и залила всю картину до рамки. Уже в полузабытии я видел, что кровь, попавшая на живописное полотно, впиталась до капли. В тёмно-зелёной глубине берёзовой рощицы с красноватым оттенком на верхушках стволов мелькнула тень, а потом из-за одного из деревьев высунулось тёмно-оранжевое пятно, которое в моих глазах быстро стало расплываться и увеличиваться. Наконец всё стало серебристо-белым. Я потерял сознание...

Нет. Я не подох. Придя в себя, я увидел свои резанные руки в зарубцевавшихся порезах. Мой разум был предельно трезв. Мысли — ясны. Тело — готово к действиям.

Несколько дней спустя опустившееся до низин человеческого состояния существо добилось права признания его человеком и самостоятельно в суде отстояло справедливость претензий на владение своей квартирой.

Сегодня же я открыто заявляю, что начинаю новую блистательную эпоху своего литературного могущества. Это будет действительно великая эра правления слова. И первым экспериментальным жанром явится мистическая реали-ти-автобиография. Отныне и проза, и поэзия лишаются такой шикарной привилегии как фантазия и вдохновение. Они для сказочников: Пушкиных и всяких там Фетов. Прочь выдуманные истории с закрученными сюжетами, ведь мысль человека не имеет границ и категорий. Теперь истинной литературой будет та, которая глаголит истину и реально под-

тверждается до мельчайшей точности. Придумал — сделай, сделал — напиши! Он сказал, что это правильно.

Сегодня я создал первую главу моего величайшего романа, который впоследствии станет новейшим академическим пособием для писателей будущего.

Я проснулся утром в прекрасном настроении. Он пришёл ко мне ночью и сказал что пора, что это произойдёт сегодня. А утром он оставил свой знак, чтобы меня не подвела память. Действительно, прекрасный день, чтобы убить. Он назвал мне место, где должно это произойти и причину, веское доказательство не вины, а избранности кандидата, героя моей первой главы. Ведь он же запутался, бедняга, ну как же можно верить сразу в несколько богов. Сегодня я буду его пастырем.

Нарядиться старушкой — оригинальная мысль, но так к нему можно близко подобраться, усыпив его бдительность. Как же искренно он радуется, видя благоговейную улыбку, впрочем, человек его профессии видит десятки таких глуповатых рожц — признак скорого и лёгкого одурачивания жертвы. Ещё первые доисторические охотники применяли эту верную тактику — прикинуться жертвой и дать хищнику в приступе эйфории преследования самому себя насадить на колья волчьей ямы.

За чашкой чая старушке вдруг становится нехорошо, и глупец бежит за сердечными каплями. Большинство бабешек имеют при себе достаточно сильные снотворные, а уж

эта пришла вообще с транквилизаторами. Так что глоток такого креплёного чая из чашки уносит из мира реальности молодой организм. Всё остальное — дело 20 минут. Он даже не почувствовал, когда я сверлил ему голени и прибивал ладони к стене. Когда он очнулся, всё было готово. «Веришь ли ты в Бога?» — спрашиваю я его. «Что ты со мной сделал-ла?» — отвечает он вопросом на вопрос. Тогда я рассказываю ему простую историю великого Человека, которую знают и дети. Для достоверности я поджигаю паяльную лампу и подношу достаточно близко к лицу отступника. «Знаешь ли ты, как жарко днём на вершине Голгофы?» — последние слова моего вопроса тонут в истошном крике.

Мне очень жаль причинять страдания бедняге. Но я не могу остановить процедуру. Временами я даю ему пить...

На третий день, когда я наконец вижу печать искреннего раскаянья на багрово-фиолетовом лице, то с облегчением прекращаю его страдания, протыкая копьём его стремящееся к жизни сердце. Умирая, он шепчет последним выдохом: «Спа-си-по»...

2

Миновав бараки с прислугой, Арик Моше вошёл в Хасмонейский дворец с тайного прохода. Теперь характер его движений сильно переменился. Трусливая шавка с зажатым между ног хвостом превратилась в кабана-секача. Уверенно впечатывая трещащие подошвы сандалей в глянцево-мраморный пол, длинные мосластые ноги несли своего хозяина

к сердцу дворца, где находился кабинет тетрарха. Два слоноподобных воина даже не двинули и мускулом на лице, чтобы остановить гостя, и тот прошёл в двери к Антипе, как проходит нож сквозь тёплую лепёшку.

В комнате стояло массивное кресло спинкой к двери. При звуках вошедшего кресло дёрнулось, и из-за него показалось лицо растерянного и рассеянного человека. Спустя мгновение лицо из задумчивого превратилось в доброжелательное, а в сторону желанного гостя устремилась приветливая улыбка.

— А, друг мой, — сказал хозяин покоев с рыхлым телосложением с намёком на будущую тучность, — Проходи. Хочешь вина?

Он протянул гостю золотой бокал.

— Мой господин, смею ли я... — начал в нерешительности Моше, но легко и быстро выхватил из протянутой руки предложенное, мягко коснувшись губами перстней властителя.

— Брось, друг мой, — повторил тетрарх, — Выпей вина. Тебе предстоит выслушать мою просьбу.

— Господин, ты знаешь, что я прежде умру, чем откажу тебе в любой просьбе. — сказал Арик, залпом выпив из бокала и в предвкушении интересного дела, и сел без приглашения напротив собеседника.

Губы тетрарха передёргивались нервными гримасами. Временами он касался углов губ, тёр виски и переносицу,

заламывал кисти рук.

— Ты знаешь, — начал с волнением Антипа, — Что мой отец перед смертью сделал много злодеяний. Их очень тяжело забыть. Мне. Людям.

— Но он же был кесарем, — попытался возразить Арик, — И был волен в своих поступках. Многие из его, как вы сказали, злодеяний мы не можем осуждать. Они творились на благо Иудеи, поддерживали порядок в стране.

— Которой больше нет. — пробормотал тетрарх, потом как бы встрепенулся и продолжал. — Он был отцом, и я любил его как отца. Любил и боялся. Боялся, как правителя. Знаменитого царя иудейского Герода Великого. Мне было 20 лет, когда произошло Великое Избиение Младенцев.

— Да, я много об этом слышал. Я родился два года спустя после этих событий, и каждый день благодарю бога Яхве, подарившего мне эту жизнь и не давшего появиться в чёрные времена.

— А многим так не повезло. Четырнадцать тысяч детей в возрасте до двух лет... И это только официальная цифра. А брат мой Антипатр? Он и так после отца должен был унаследовать власть. Отец же, подозревая его в заговоре, приказал отрубить ему голову. Своему сыну! Ты понимаешь?

— Господин, успокойтесь, — с участием сказал Арик, — Могу только выразить удовольствие тому, что ваше высочество не оказалось в подобной ситуации и не испытали участи старшего сына в семье.

— Да, у последышей в семье есть подобные привилегии: остаться в живых и жить в зависти и осторожности, чтобы их не заподозрили в подготовке переворота. На нас, всех пятнадцати потомках царя, непечатный знак Великого Герода в душе.

— Ваше высочество, прошло уже больше 20 лет! — попытался изобразить удивление утомлённый Моше. — А вы рассказываете с такими чувствами, будто все события произошли вчера. Неужто прошлое для вас настолько волнительно?

— Друг мой, мне сорок лет. Если ты думаешь, что дела минувших лет меня ещё волнуют, то ошибаешься. Я не жалею ни на что. Мы всегда живём в непростые времена. Как бы хорошо ни жилось, всегда будут орды недовольных и воинствующих. Жертвы неизбежны всегда. У ленивого правителя народ гибнет из-за собственной распущенности, у тирана — от его жестокости в поддержании порядка.

Стараясь сдержать раздражение, тетрарх шагнул к столу и налил вина. Жестом приглашая собеседника присоединиться, он стал медленно, маленькими глотками цедить сквозь зубы вино из кубка. Взгляд его стал туманный и задумчивый. Он как будто смотрел далеко вперёд, прожигая глазами все предметы на пути.

Через некоторое время, когда Арик от скуки стал крутить головой и разглядывать интерьер помещения, Антипа как бы очнулся и обратился к нему:

— Ты хочешь знать, почему я позвал тебя к себе? Мне

рассказывали, что у нас в Иерусалиме ты лучший живописец. У кого ты учился ремеслу?

— Ни у кого, господин. Помню, ещё с раннего детства всё время что-то где-то чертил: то углём на домах, то ножом на камнях. Эх, и пришлось побегать, я вам скажу, от хозяев ла-чуг, на стенах которых мне взбрело оттачивать мастерство. Не раз били за такое ремесло. Однажды знакомая девочка попросила нарисовать ей покойного братишку. Я сделал. Тогда и узнал, что есть рисовая бумага и краски. Работать над картиной мне очень нравилось. Несколько ночей я писал по памяти лицо малыша, виденное один раз. Временами даже забывался и приходил в себя только утром, после чего ложился спать и не вставал до первых сумерек. Когда картина была готова, девочка отдала мне все деньги, которые были в семье, а потом везде ходила с моей картиной, разговаривала с ней и знакомила её с людьми. Все решили, что она сошла с ума от печали по любимому братику. А вскоре она была найдена на дне каменистого ущелья с разбитой головой. Её принесли домой, где она прожила ещё день и умерла. Прежде чем испустить дух, она призналась, что братик с картинки предложил ей полетать, как птички. Хоронили её, положили ей в руки надорванную картину братика — любимую игрушку последних месяцев. Картинка трепетала в её руках, будто на ветру. Но ветра не было... Потом отец запретил мне рисовать. Но иногда бывают заказы, и довольно денежные...

— Послушай меня, мальчик, — прервал Арика Антипа,

— Тебе не обязательно рассказывать о себе. Слух о себе распространяет сам человек, славу о человеке разносят люди. Мне довольно славы, которая идёт впереди тебя. Теперь о деле. Герод — мой отец — умер страшной мучительной смертью, весь в язвах и гноящихся ранах, в которых кишели черви. Незадолго до кончины ему не дали проткнуть себе шею мечом слуги, и он заколол одного из них. Умер Герод на глазах у меня с душераздирающими криками, хрипением и проклятиями. Когда его затихшее тело закрыли полотном, на поверхности холста выступили пятна коричневой жижи из язв, черви под покрывалом ещё активней задвигались, и было похоже, что мёртвый всё ещё жив. Целый день его никто не трогал. Боялись даже подойти. Утром следующего дня с окоченевшего Герода слуги сняли полотно, чтобы подготовить к похоронам, и отпрянули, не угадав в лежащем царя. На земле лежал человек с идеально чистой кожей и умиротворённым лицом, как будто почивший праведник. Царя пышно похоронили, а покрывало с его тела убрали в склеп. И вот, по прошествии стольких лет, мне снится отец, как он лежит мёртвый под покрывалом, как тогда на лужке перед дворцом, а потом поднимается, даёт мне это покрывало и наказывает, чтобы на этом холсте лучшим живописцем Иершалима был написан его образ.

— Может быть, это только страшный сон? — предположил Арик Моше, испуганно ёжась от начинающей тревожить догадки.

— Может быть, но он снится мне уже двадцатую ночь подряд. Поэтому я решил, что в этот раз приказ отца будет исполнен.

Он протянул живописцу коричневый свёрток:

— Вот то самое покрывало, бывшее на царе в тот день.

— Но я ведь никогда не видел Вашего отца! Как же мне работать? — отшатнулся от страшного холста знаменитый иерусалимский живописец.

— Не важно, — уверенно проговорил Антипа и странно улыбнулся, — Напишешь его изображение, как себе представляешь. Он сказал, что поможет тебе.

Арику вдруг стало страшно, и он хотел бежать, не вспоминая об обещаниях, просто бежать подальше и спрятаться и от Антипы, и от страшного свёртка. Но он не мог пошевелиться. Из оцепенения его вывел голос тетрарха, продолжавшего:

— Тебе предоставят краски, изготовленные в лучших римских мастерских, талант дан тебе свыше.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

— У Аничкова моста мужик пысает. Подходит мент: «Ты чё, офонарел? Пошли в отделение». — «Опять рабочий класс обижают. Как буржуям, так можно?» — «Каким буржуям?» — «Да вон табличка „Отлил барон фон Клодт“. Значит, барону можно?» Гы-гы-гы!

— Опять ржут. Здорово! Что нынче?

— Нарушение порядка. «Отлил барон фон Клодт»?

— А. По-третьему кругу пошёл.

— «Отлил барон фон Клодт». Ха-ха-ха!

— Мужики! Времени мало. Летучка — десять минут. С кого начнём?

— Давай я начну. Морозов Геннадий Андреевич, 1987 года рождения, холост, не судим. Положение тела горизонтальное. Лежал на спине с запрокинутой назад головой. Из рта и с обратной стороны тела (из анального отверстия) были видны донышки бутылок. Медики обнаружили 4 бутылки водки в заднем проходе и прямой кишке и 5 в брюшной полости и в гортани. Смерть наступила в результате разрыва стенок желудка, а битое стекло и спиртное прикончили жертву. Осколки изнутри прорезали кожу живота и частично торчали из раны. Такое ощущение, будто бутылки чем-то забивали. Мужик умирал в течение часа в страшных мучениях.

— Где проживал? Что показал опрос соседей?

— Искать особо не пришлось. Покойный проживал в том же доме, в четвёртом подъезде, квартира 81.

— У нас, походу, все трупы из этого дома.

— Да. Ну, я продолжу. Соседи сообщили, что погибший был алкашом несусветным. Всё тащил из дома и продавал, чтобы купить пузырь. Сначала с пагубной привычкой пыталась бороться мать, на квартире у которой он и проживал. Несколько раз кодировала, клала в больницу, привлекала психологов-наркологов. Ну и сынок стал её побивать чуть-чуть не насмерть. Вытрясал бабки на водяру. Потом её ша-рахнул инфаркт. За полгода она высохла и умерла то ли от общего истощения, то ли сын помог.

— Вот сучонок! А куда участковый смотрел?

— А ему-то что? Мать на сына-алкаша не жаловалась. Меньше заяв — меньше геморроя. Зато профилактика по бумажкам отличная.

— А что делал гражданин Морозов в подвале? Как он вообще сюда попал? Что-нибудь известно?

— Удалось найти пока только одного свидетеля. Девочка Саша играла на площадке с собакой и видела, как дядя Гена с другим алкашом ковылял к подвалу, но не придавала значения. Да и кто заинтересуется, куда идут два алконавта?

— Интересно, что среди публики, в которой был обнаружен Геннадий Андреевич, больше алкоголиков не было. Люди с другой специализацией. Дальше кто продолжит?

— Коллега по несчастью, Ситорова Людмила Николаев-

на, 1994 года рождения, бывшая учительница химии и биологии, ныне — безработная. Состояла на учёте у нарколога в течение 10 лет. Ещё в институте увлеклась изучением влияния запрещённых веществ на организм человека. Защитила диплом на соответствующую тему. То есть человек прекрасно разбирался в химии и биологии. Со всеми вытекающими.

— Как оказалось, и на старуху бывает проруха. Хорошо отгребла.

— Причём, убийства, по сути, не было. Погибшую просто пристегнули наручниками за руки и ноги. Остальное сделал сам организм. Смертность без дозы стопроцентная. Всё происходит в течение суток. Сначала пациента нереальная колбасит. Мышцы произвольно сокращаются до пределов, ломая кости и разрывая сухожилия. Кишечник начинает работать в обратном направлении. Человека постоянно тошнит. Кровь идёт из ушей и носа, глаза выпадают из глазниц. Лёгкие съёживаются. Потом отпускает. Перерыв перед ещё более тяжелой ломкой. Новый приступ не даёт опомниться: начинается стремительное гниение, через поры в коже сочится гной. В общем, человек за день сгнивает. И смерть наступает только в конце мучительного дня. Умирая, человек чувствует, что его опять отпускает, и не замечает смерти.

— Понятно. Третий труп?

— Золотников Сергей Петрович, 1974 года рождения, бизнесмен, владелец заводов, дворцов, пароходов, а если серьёзно, то официально сети китайских ресторанов и магази-

нов. Один из богатейших предпринимателей области. Соседи по коттеджному посёлку ничего плохого не говорят: хороший семьянин, любящий муж и внимательный отец.

— Кристальный человек. Редкое качество для буржуя. Неужели ни единого тёмного пятнышка, соринки, тени от комарика?

— Есть, конечно. В разработке ОБЭП с 2000 года. Занимался вывозом валюты. За руку поймать не удалось ни разу. Сотрудников своих мордовал. В его ресторанах и маркетах редкий работник или работница были без синяка. Неустойку с реализации просроченных продуктов распределял среди своих же рабочих, или рабов, не знаю, как лучше назвать. На его совести десятки сломанных судеб. Была у него в «Золотнике» продавец-кассир. Ошиблась при работе с кассой и оказалась должной круглую сумму. Потом её поставили на счётчик. Дома муж-инвалид, малолетний ребёнок, и долг — лимонарий наших тугриков. Сумма по-нынешнему не особо большая. Но только если должен не Сергею Петровичу. Женщина смену отстоит в магазине, ночью — на трассу. На полгода её хватило. Повесилась она уже с долгом в сто сорок штук. Долг вернули, продав квартиру. У мужа-инвалида служба опеки отобрала сына и передала на воспитанию нашему персонажу. Потом ребёнка продали на Запад в одну семью извращенцев.

— Что ещё?

— Просроченные продукты из его магазинов отправля-

лись в его же рестораны. Известно до 15 смертельных случаев, которые происходили с клиентами ресторанов, как только они выходили на свежий воздух. Известен ещё факт, когда одна женщина в супе нашла крысиную голову. У женщины — инфаркт и скоропостижная смерть. Наш бизнесмен не растерялся. Пока тело умершей было на столе патологоанатома, семье женщины был предъявлен иск за дискредитацию репутации забегаловки. Жесть. У парня ничего святого.

— А что про него говорит медэксперт? Кости перебиты?

— Его хорошо избили. Похоже, железной трубой, или прутком. Многие кости раздроблены в труху. На голове глубокие гематомы. Внутренние органы повреждены. В лоскуты разорваны селезёнка, печень и мочевой. Характер травм указывает, что избиение происходило длительное время.

— Быстро убивать не собирались. Главная цель — чтобы подольше помучиться.

— Ту же цель преследовал преступник и в отношении четвёртой жертвы. Вашему вниманию представляется скромный работник... ну, в общем, безработный. Гаврилов Михаил Никитович, 2009 года рождения. Основной источник дохода — пенсия бабушки. Дополнительный — интернет. Правда, совокупный доход его самого составлял пару штук деревянных. Молодой человек проигрывал сумасшедшие суммы в онлайн-казино.

— Игроман?

— Похоже. Интернет-зависимость.

— Отец умер, когда мальчику было 3 года. Мать первое время болталась по автостраде вплоть до Казахстана, потом привезла мальчика бабушке, а сама уехала в Москву, искать хорошей жизни. Маленького Мишу, осиротевшего, брошенного матерью, баловала бабка. Когда в его жизни появился компьютер, он души в нём не чаял. После девятилетки окончил курсы программирования и устроился в один компьютерный салон. Однажды, копаясь в интернете, он попал на страницу онлайн-казино. Он решил только попробовать. Попробовал. Потом ещё.

— Потом снова...

— Ну, и втянулся. А тактику вы знаете: первый раз дать выиграть офигенную сумму. А потом ты в руках воротил данного бизнеса.

— Покатилось под откос.

— Понеслось. Мишенька неделями не вылезал из-за стола. Спал мордой в клавиатуре. Бабкина пенсия улетала за час. Хорошо, мать присылала. Немного оставалось на харчи. Однажды денег не было. Бабушка в первый и последний раз в жизни решила проявить твёрдость в воспитании и выключила компьютер. Не успела она выпустить вилку шнура, как в груди у неё торчал столовый нож. Потом тело бабки переместилось под кровать внука и лежало там до тех пор, пока соседка, пришедшая навестить внезапно пропавшую подругу, не учуяла запах разложений. Миша не отвлекаясь сидел за компьютером. Милиция. Скорая. Психушка. Недавно

Миша вернулся домой. Соседи в шоке.

— Ты сказал, что он тоже долго умирал?

— Да. Смерть наступила в результате удушения. Примечательно, что душили его интернет-кабелем. Тот факт, что на шее обнаружено несколько странгуляционных борозд, свидетельствует о том, что его не сразу задушили, а придушивали до потери сознания, потом отпускали. И так до конца.

— Странная у нас беседа получается. Все ваши доклады выглядят как жалобы на старшеклассников за то, что они у вас отбирают деньги на обед. Вы сами не заметили.

— Пафосно, без базара.

— Сам же сказал, «опроси старичков, душу вынь из них». Вот тебе и с душой.

— Всё понятно. Затянулась наша летучка. Сейчас в тык получать. Ну ладно.

— Да, вот ещё. Ты же спрашивал про особенности. На груди каждого вырезано «Не сотвори себе кумира».

ГЛАВА 2

Жизнь. Удивительное чудо, дарованное всем живущим. И мы принимаем этот дар без благодарности, как естественное явление биологического существования, и живём так же на автопилоте, по заранее просчитанной траектории, следуя заранее составленной кем-то программе, иногда несущественно отступая от плана.

«Жизнь дается человеку один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы»⁴. Великий смысл за малой формой. Слова, которые в истинном значении не каждому раскрывают своей сути в процессе беззаботного существования, но перед ясным ликом Смерти человек приходит к пониманию смысла своего существования. Или бессмысленности оного.

Мне тоже повезло. Как многим счастливым и многим неудачникам.

Жизнь — это плата человека за всё дурное, что есть в нём. Отнять её — и человек, раскаявшись в своей неправоте, вернётся на начальный этап. Он так сказал.

Два дня назад я получил новый знак и готов к созданию новой главы. Он просит моей крови, поэтому она и пролилась на полотно. А потом появился Он, и мы говорили и го-

⁴ Слова из романа Николая Островского «Как закалялась сталь»

ворили. Когда я пришёл в себя, у меня был уже план главы. И первый «герой» — отступник (я вообще так и решил назвать главу — «Отступники») — существо, которое принято называть «властелином жизни». Сначала я не мог понять, почему его первым, но потом узнал, что это большое и сильное существо избрало объектом поклонения. Представившись курьером, я прошёл внутрь его офиса, побитого, как консервная банка, охранниками. В туалете никого не было, поэтому там решено основать первую точку, откуда начал распыляться усыпляющий газ. Двигаясь в противогазе, я медленно подошёл к кабинету. Постучался. «Кто?» — хамоватые нотки прозвучали одиноко в почти пустом здании. «Вам повестка из Прокуратуры. — как можно несчастнее сказал я. — Пожалуйста, распишитесь». «Сейчас я распишусь!» — рывкнул тот же голос. За дверью послышалось громкое топанье и рычащая матом ругань. «Где?» — бульдожья морда высунулась из-за распахнутой металлической двери. «Ну всё, ты — труп». — вспомнилась мне киношная фраза, а вслух я сказал: «Простите, пожалуйста, Сергей Петрович, я всего лишь курьер. Распишитесь здесь». — и протянул заранее приготовленный конверт. Потом я зашёл за спину, вытащил из-за пазухи топорик и (да простят мне поклонники творчества Достоевского), не обращая внимания на бормотание пытающегося вскрыть пакет, со всей силой саданул обухом по лысоватой макушке. Не читал, видно, ты, братец, классику.

В нашем районе в одном из домов был бесхозный подвал,

всё по традиции — комары, стоячие сточные воды, плесень. Хорошее место для нового офиса. В этот склеп нашего времени я и подвёз поздно ночью спящего «властелина жизни». С наказанием я не мудрил. В округе добрых чувств к бизнесмену не испытывала и дохлая шавка. Найти нескольких крепких парней, заинтересованных в мести богачу, не было проблемой. Мне их назвал Он. Сам я в подвал не спускался, но поставил скрытую камеру, которая запечатлела всё. Весь день ему дробили кости железными битами, начиная от пальцев рук. Хруст ломающихся костей и крик кающегося, которые тоже передавала камера, противно звучали в прекрасном акустическом окружении. Как же человек на пороге смерти ищет малейший шанс, чтобы выжить! Когда палачи стали разбивать череп, из большой зияющей и булькающей фаршем мозгов и зубов дыры слышался стон, в котором можно было различить «Прости!..»

Второй персонаж — существо, которое признавало свою тяжкую болезнь, но не могло излечиться от неё, считая, что это наказание за бесцельную жизнь. Глупец! Это я имею право судить и наказывать! Ты же, всех, кто любил тебя, погубил. И смерть тебе твоя от идола твоего.

Заманить одержимого алкоголем в подвал не трудно. Бутылка за пазухой — идеальный способ. Даже если и попал я на глаза нормальным людям, то принять меня можно за очередного собутыльника местной легенды. Подвал встретил нас томящей тишиной. После первого стакана божественно-

го напитка мой друг был в моей воле. Руки и ноги лежащего навзничь были прочно закреплены петлями гитарных струн на гвоздях. Я подождал, пока очищающийся очнётся. Затем я начал. «Да будет чаша твоя испита до дна», — с этими словами я вгонял в него деревянным молотком бутылки по донышко.

Третий. Третья. Хотя пол не важен, когда имеем дело с подобными существами. К этой человекоподобной твари тоже надо было подобрать отмычку. Решил воспользоваться её прежней связью со школой и образованием. В прошлом она школьный химик-биолог, а значит, некоторые сентиментальные чувства к прежнему роду деятельности испытывает.

Я позвонил в дверь, всё ещё не совсем представляя, кем представиться очень осторожной даме, в прошлом имеющей опыт продаж наркотика в школе и ни разу не нюхавшей полицейских обезьянников. «Кто там?» — голос приятный, дурманящий. «Добрый день, — я импровизировал, — Ситорова Людмила Николаевна?» — «Да». — «Я из отдела образования, профорг Тавытов Евгений Борисович». За дверью хмыкнули, и наша беседа продолжилась. «Людмила Николаевна, простите за беспокойство. Я к вам с ответственным заданием. Мне поручено пригласить вас во Дворец культуры на ежегодное вручение наград, приуроченное к празднованию Дня учителя. От имени главы администрации позвольте вручить вам приглашение».

Дверь чуть приоткрылась, ограничившись длиной цепоч-

ки. На меня до конца жизни расширившимися зрачками уставилась высокая сухая женщина. Видимо, тон моих обещаний достиг задурманенного мозга чересчур подозрительной натуры. «Вообще-то я не хожу ни по каким мероприятиям». — глаза кололи насквозь. Я изобразил добродушную улыбку и ввёл в дело главный козырь-аргумент: «Очень жаль. Но не беспокойтесь. В таком случае, вся комиссия в полном составе с начальником отдела образования и заместителем мэра города посетит вас индивидуально. Как же мы можем забыть про такого учителя и учёного? Мы считаем, что достойных наград обязаны удостаиваться достойные граждане. Хе-хе. Ну что, вы нас ждёте?» «Нет!» — ответ был немедленным. На это я и рассчитывал. Так ты боишься, что вся твоя лаборатория на дому вскроется. Боишься, птичка, за гнёздышко. Так прощайся с потрошками. «Разрешите тогда вас проводить?» — «Да, мне это будет необходимо. Знаете ли, редко выхожу на улицу, не могу чётко ориентироваться на местности». — «Очень хорошо, тогда в 7 часов вечера ждите меня». Это было оптимальное время, когда люди уже расходятся по домам, и на улицах достаточно пустынно. В нужное время «профорг» пришёл к той же квартире. Мы вышли. Проходя мимо подвала я сгрёб пятерней её истончённые химзавивками волнистые светло-жёлтые космы и с размаху ударил пожилую даму головой об угол дома. Краем глаза успел увидеть, как она скользнула рукой в сумочку, выдернула рывком продолговатый черный предмет, который

знакомо трещал и кривлялся голубой волной, и почувствовал, что в правый бок как будто кувалдой двинули. Ноги подкосились, и я упал рядом с ней. Шокер отлетел в сторону...

Придя в сознание, почувствовал, как моя рука дёргается — моя отступница пытается освободить свою голову от моих пальцев, крепко держащих намотанные на них золотистые локоны. Вдруг руки её схватили что-то бесформенное и занесли над моей головой. Кирпич! Я дёрнулся. Угол коричневого бруска по касательной прошёлся по виску и оставил глубокий след. Я отшвырнул своего соперника на стену дома, и она, ударившись о край металлической стяжки, медленно сползла по шершавой поверхности.

В подвале, уже закрепив руки и ноги в наручники, так, чтобы нельзя было дотянуться, оставил на сутки. Вход в подвал оцепил красными ленточками и повесил табличку с надписью, что ведутся работы по ремонту канализации. Это должно было несколько ограничить стремления некоторых местных «спелеологов».

А между тем настал черёд четвёртого. Он оказался настолько бесшабашным, что впустил меня, даже не спросив, кто и зачем? Его я вырубил, используя подобранный после схватки у подвала шокер. Забирая этого отступника из его квартиры, я бросил взгляд на компьютер, скользнул глазами по проводам, и меня озарила мысль, простая, как, говорят, автомат Калашникова. Я схватил со стены интернет-кабель. Импровизировал. И там, в подвале, не сразу решил,

как наказывать этого. Само собой вышло: шнур, мятый в руках, преобразился в петлю, которую набросил на шею «Компьютерщика» со словами: «Необходимо настроить высокоскоростное интернет-соединение». Но как только повисшее тело начало безвольно дёргать ногой, кабель потянулся и, не продержавшись и пяти минут, порвался. В памяти не к месту всплыли легендарные слова из школьного курса истории «А вешать на Руси так и не научились». Тем временем наказанный судорожно стал растягивать ослабшую на шее удавку, пытаясь дышать, судорожно разевая рот и хрипя сдавленной гортанью. «Извините, соединение прервано. Проверьте состояние кабеля и снова подключите его к компьютеру. — связвил я. — Проверим».

Я окидываю взором место действия. Четыре измождённые фигуры на последней стадии издыхания жалобно смотрят и слушают меня. Я доволен. «Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам пренеприятное известие, — читаю я последние строки главы моей реалити-автобиографии, а в голове вертится мысль, что весь этот фарс — ощущение дежавю; недаром из меня так и прёт сегодня школьная программа, — вам не жить. Вспомните, что вы избрали объектом своего поклонения. Чревоугодие, духовное и физическое. Вы отравляете жизнь человечеству. А яды принято утилизировать. Вы утилизированы уже давно, возможно, ещё при рождении. Я пришёл вам это сказать. Покойтесь с миром, и если ваша душа задержится и попадёт в тело хороше-

го человека, она будет знать простую истину, правило: «НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА!»

3

Томная гранатовая луна уже давно висела над вечным городом Иерусалимом. В одном из мутных городских оконцев так же розовел тусклый огонёк свечи, озаряя комнатку с бледными стенами, одинокую фигуру человека, сидящего перед деревянной рамкой, обтянутой тёмным холстом. То сидел Арик Моше, живописец-самоучка, единственный в роду и самый искусный на многие тысячи амов⁵ в округе. Позади были путь от храма к дому, тяжёлый разговор с отцом, часы бесцельного сидения и тупого прожигания взглядом грязной тряпки на раме.

Старый Ошер, отец, долго ворочался в кровати. После неприятного разговора с сыном сон долго не решался туманить тревожные мысли в голове родителя. Двадцать пять лет прошло с тех пор, как он запретил сыну то, что тот делал так, как во всей Иудее не мог никто. Ещё в детстве Арик пугал отца странными вопросами. К примеру, вымажут глиной работники стену дома, а мальчик пристаёт к нему с вопросами: «Пап, а что ты видишь на стене?» или «Когда можно освободить его?» На непонимающий тревожный взгляд в ответ мальчик говорил: «Вот здесь — ребёнок тонет в реке, а его сестра с берега тычет в него длинной палкой», или «Тут — старик со сломанной ногой. Его завалило грудой камней, ко-

⁵ Ама — еврейская мера длины, равная 48 см.

торуую он приготовил для пристройки дома, а когда сел отдохнуть рядом, молодая жена свалила на него кучу булыжников. Три года прошло уже. Душа его мечется, на людей нападает. Надо освободить её. Можно я нарисую?»

Какими страшными глазами смотрел в такие мгновенья Ошер на ребёнка! Какими молениями и увещеваниями не отвращал его от любимого дела. Все эти годы он жил в постоянном страхе за сына, за себя, за всех, с кем соприкасались руки Арика. Поэтому, когда Моше принёс в дом вещи, данные ему тетрархом, отец сперва категорически отказался спать в одних стенах с этими вещами. В продолжение серьёзной беседы он напомнил историю о девочке, которая бросилась в пропасть с портретом брата, руки Арика, и о бродяге, на плече которого он нарисовал тигра, а наутро бродяга был обнаружен мёртвым, с болтающейся головой на клочке кожи разодранной шеи.

— Сынок, сынок, — уговаривал Ошер, — Не надо нам этих 1000 драхм. Вспомни, как твоя мама сошла с ума, когда ты нарисовал себя чёрным человеком. Подумай, не польза, а вред людям от твоих картинок. Ты слишком хороший художник, чтобы рисовать.

— Отец, ведь я обещал самому тетрарху Героду Антипе.— голос сына сильно изменился за один день. Тон и громкость его стали ниже.— Я его слишком сильно уважаю, чтобы отвергнуть.

— Ну, давай я схожу во дворец к тетрарху (он мне не от-

кажет, я точно знаю) и поговорю с ним. Он человек мудрый и внимательный. Он должен понять, чем рискуем все мы.

— Отец, перестань! Может быть, он тебя и выслушает, и поверит, но от своих намерений не откажется.

— Нет. Он знает, на пороге каких изменений стоит Иудея. Сделать, что он просит — значит — отринуть грядущее.— взволнованно говорил Ошер.

— Что ты говоришь? Что значит, на пороге изменений? — сын говорил насторожённо.

— Слышал ты про знаменитого Иоханаона? Это он возвещает процветание Иудее. Это он сказал, что за ним идёт Человек, который перевернёт сознание человечества, изменит мир.

— Я слышал о нём. Но не думаю, что это повлияет на решение Антипы. Кроме того, они хорошо знакомы. Антипа много времени проводит с ним. Но, говорят, что Иоханаона невзлюбила супруга Антипы, Иродиада. Под её властью тетрарх приказал не выпускать Иоханаона из города.

— Вот. Видишь, какая сложная обстановка. Не исполняй воли Антипы. Или обожди немного.

— Отец! Я не могу. Я обещал. Прости, но эту работу я выполню вопреки твоей воле. Не сердись. Всё будет хорошо.

С этими словами Моше взял теплящийся огарок и скользнул в дверной проём своей комнаты, чуть было не задев макушкой притолоки...

И вот сейчас отец был в растерянности, что ещё принесёт

им работа Арика, кроме большого куша? Он вдруг неожиданно вспомнил, как держал его над ямой, полузаполненной грязью, там, на Алкедамском поле, как крупные ручьи чёрной слизи вытекали изо рта и ноздрей холодного тельца, как...

Неожиданно резкий холодящий крик раздался из комнаты сына. Ошер, будто и не спал, резко сел на кровати, приходя в себя, а затем, не дожидаясь повторения, ринулся на замерший вдруг вопль ребёнка, как старый, но ещё жилистый барс. В проёме двери он увидел нож, лежащий на полу, и машинально подобрал его. Вбежав к Арику, Ошер замахнулся... и уронил случайное оружие. Ужас сковал его. Арик сидел, поджав ноги, в углу на полу и держался одной рукой за шею, а указательным пальцем другой тыкал в сторону холста, не отводя расширенных глаз и повторяя: «Смотри, смотри... Ты видишь?» Ошер ничего не увидел. Он обхватил сына руками, сильно прижал к себе, и слёзы брызнули из его глаз.

Когда Арик успокоился, то рассказал отцу о том, что произошло. Он долго смотрел в картину, пытаясь с помощью своего бесценного дара уловить контуры и силуэт будущего изображения. Постепенно очертания будущего наброска были отмечены в воображении художника. Но этим дело не закончилось. Видение становилось всё более явным. В какой-то момент Арику вдруг показалось, что видение оживает и становится объёмным. Потом оно приняло реальные очертания, посмотрело на Арика и стало вылезать из картины.

Арик увидел большую седую бороду, нос в оспинах, бледное лицо в коричневых пятнах, мутные, жёлто-голубые глаза. Он невольно закричал. Потом появился отец.

Ошер поднял с пола нож и всадил его в холст. Вокруг разреза мгновенно выступила розово-коричневая слизь, но тут же впиталась.

Пришлось заштопать холст, наложить грунт. Видение осталось в памяти Моше. Он начал. Работа, как говорится, закипела. Больше таких историй не повторялось. Проблем не было, пока не наступил последний день. Отец вошёл в комнату сына, когда тот немигающим взглядом смотрел в глаза своего персонажа и шептал. Что-то из его слов можно было разобрать: «Да, господин!... А если он будет сопротивляться... А за что... Но он ведь ничего не сделал... Понятно... Будет сделано...» Потом тем же взглядом уставился на ошарашенного Ошера, улыбнулся и оскалился одновременно и бросился на отца, схватив нож со столика. Естественным движением старика было отстраниться и махом захлопнуть дверь. За ней послышался глухой и сильный удар, стон, стук упавшего тела и что-то ещё напоминающее чавканье. Отец осторожно приоткрыл дверь и увидел сына на полу. Нож воткнулся в дверь глубоко. Рука, видимо, соскользнула с рукояти и прошла по лезвию. Кровоточащая рука была откинута далеко назад, и кровь из раны капала на картину и быстро впитывалась холстом, вся, без остатка.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

— Здравия желаю, товарищ генерал-майор!

— Проходи, капитан. Ты порадуешь, или мне придётся огорчить?

— Извините, Фёдор Иванович, не совсем понял...

— Калмыкский сайгак тебе Фёдор Иванович! Ты что, Динцов, думаешь, если у нас в стране полтора ста миллионов человек, то ничего страшного, если лишних пять пришибут!

— Товарищ генерал-майор! Мы работаем...

— Вижу, чем вы работаете. Вон какие ряхи с мамонами наели. Скоро портупею новую заказывать, чтобы брюхо держала. Как ни зайдёшь, то шаурму точат, то беляши трамбуют.

— Прошу извинения. Такого больше не повторится!

— Ещё бы, повторилось, помните, с участковыми у нас всегда недобор.

— Но и оперов хороших с мышкин хвост.

— Что?! Так, хороший опер, расскажи-ка мне, почему такая криминогенная обстановка в районе, где работают такие хорошие опера? Почему уже пять зверски изуродованных трупов, а дело с мёртвой точки ни на мышиный хвост не сдвинулось? Кто виноват, так сказать, и что делать? Извечные вопросы для литературы и для вашей опергруппы. Две недели прошло с первого убийства, а мне пока ещё не из-

вестны ни списки подозреваемых, ни планы оперативной работы. Пойми ты: ни-ка-ких результатов работы. Что сделать? Чебуречные что ли вблизи отдела закрыть или, может, мне самому с Шариком на пару заняться этим серийником. Мне, поверь, на свою ж... жизнь вазелина не хватает. Ты должен знать, как в Главке реагируют на незакрытых маньяков. А наш ритуальщик ещё цветёт и пахнет. И мы ему как шавки у пельменной... Что по делу есть?

— По-... по какому?

— По делу беременного хомячка!

— По... по какому хомячку?

— Твою!.. оперативную работу! По делу маньяка, ...э-э-э «Десяти заповедей». Так, кажется, его уже кличут в народе?

— Так. Приметы: мужчина, лет 38—40, телосложение среднее, склонен к полноте, глаза карие, волосы короткие, с залысинами на висках. Скулы выдающиеся, нижние зубы кривые. Фоторобот составили, но если его пустить в ориентировку, половину наших коллег в отделе можно к стенке поставить.

— Наверное, потому что остальная половина отдела — девушки, хе-хе. Отпечатки пальцев? Что дали результаты дактилоскопии?

— Отпечатки хорошие, чёткие, на всех местах преступлений повторяются пальчики одного и того же типа. Таким образом, я уверен, что это не группа, не секта, а одиночка. Контингент жертв — наши клиенты, имеющие нелады с зако-

ном. Товарищ генерал-майор, он как бы делает за нас работу. Его «подопечные» проходили по разным уголовным делам и включались в разработки разных отделов, только их не умели дожать и упускали. А от него не ушёл никто.

— Володя, не увлекайся! Служить и защищать! Суд вершить — не наша прерогатива, хотя по совести с тобой согласен.

— Да, вот. На одном из трупов, на учительнице, обнаружены капли крови, не принадлежащие погибшей.

— Это на той... на Ситоровой? Думаешь, его биоматериал?

— Да, на ней. Видимо, успела сообразить и попыталась оказать сопротивление, хотя предположение — не стопроцентное доказательство.

— Какие наработки по пятой жертве?

— Честно сказать, он, по-моему, не укладывается в концепцию, которой придерживается наш убийца. Ничего криминального в образе жизни не отмечено, нигде у наших не засвечен. Но соседи по дому и бывшие коллеги по работе абсолютно ничего хорошего сказать не хотят.

— Неужто ошибся наш мститель, неужто просчитался? Хм. Так что там наша бдительная вневедомственная дружина — соседи?

— Как всегда, замечательнейшие люди. Если дело не касается их сожителей по одной лестничной клетке, мы их называем «одноклеточные».

— Не томи, что рассказали твои... одноклеточные?

— Урод он последний. Известно несколько случаев. Первый — когда он одну семью в подъезде кинул в кредитную кабалу. Значит, жила-была примерная российская семья в 3 человека: мать, отец и сын. Глава семьи — менеджер в мебельном магазине, жена его — бухгалтер, сын — в детском саду. В один прекрасный день к ним постучался наш герой и попросил их о мелкой услуге — поручительстве в банке. Сперва они не соглашались, но обещаниями и божбой он их сманил на подобное сомнительное предприятие. А когда всё было сделано, он скрылся с деньгами в неизвестном направлении, и вся банковая махина с размаху ударила по незащищённой ячейке общества, жившей на съёмной квартире. Они до сих пор выплачивают чужой кредит, не имея возможности купить себе элементарно мыла.

— Ещё случаи были?

— Да. Кстати один произошёл с его другом. Сказать по чести, он сам виноват. Ну, там история из 90-х. Всё по традиции и в духе Дона Карлионе: мокруха и — тазик с цементом. Много мелких историй было с ним, но, как уверяют соседи, он умел так убеждать обещаниями, клятвами Богу, что устоять было совершенно невозможно. Причём из любой беды он всегда выходил сухим.

— В таком случае, нетрудно представить, что на груди у него было написано что-то типа... м-м-м... восьмая заповедь... э-э-э... «Не повторяй имени Бога всуе».

— Почти. Только не груди, а на спине. На груди кожа содрана. Впрочем, содрана она на всём теле. Смерть произошла от сильного шока.

— Так, капитан, вздрючь своих, потому как если ещё будут жертвы, то полетят звёзды и погоны. Если точно следовать заповедям, то осталось ещё минимум семь.

— Я буду торопиться.

— Не торопись, но поспешай. И если что срочное, сразу ко мне.

ГЛАВА 3

Ненавижу. Сегодня я встал с разбитой головой, будто всю ночь в мозги кошки дерьмо закапывали. Он опять со мной говорил, Он дал мне новый знак. Персонажа новой главы зовут Гаврилов Алексей Викторович. Редкостная тварь. В принципе, человечешко так себе, слабая ирония над гомо эректус. Но заметьте, чем мельче существо, тем выше оно себя ставит.

Есть русская пословица «Мал клоп, да вонюч». Это как раз про него. Я же ведь сначала и подумать плохо не мог о нём. Я спорил, доказывал, что не может этот приличный на вид культурный для своего уровня человек быть хуже скота, не может этот «ботаник» с большими квадратными очками подставить друга, обмануть шефа. Я же с ним каждый день здороваюсь, гляжу в искренние голубые глаза, которые по определению не созданы для лжи. И все люди думали так же, когда он, невинно моргая длинными ресницами, выпрашивал деньги, врал про несчастную девочку, которой нужна помощь, обещал жениться.

Помню, в юридической академии нам рассказывали про физиогномику, что в некоторых случаях суровая деятельность накладывает свои отпечатки на лица. Можно судить по строению черепа, форме ушей и носа, форме и цвету глаз. Но жизнь часто доказывала мне, что людей внешне трудно

распознать. Иногда бывает даже, видишь громилу свирепого вида. Он идёт на тебя ведром, секачом, суёт руки во внутренний карман кожаной куртки и достаёт... конфетку, потом глупо улыбается и ловит на руки несущегося навстречу малыша. Нет. Внешность, как говорят умные люди, обманчива. Я даже думаю, что организм человека, скорее всего, включает защитный механизм, как у животных, своего рода камуфляж. И поэтому хищника по оболочке трудно распознать. Это так называемый волк в овечьей шкуре. Хорошенькая аналогия. Ну что ж? Придётся волку разоблачиться.

Тактику боевых действий я решил избрать прежнюю и отказался от «игры на своём поле». Не буду светиться на улице и водить избранных на виду у людей. И так в прошлый раз попался на глаза свидетелям. Отправляюсь к волку в логово. А для успешности мне поможет тоже костюм волка, ну, то есть, сотрудника полиции. Для совершения обряда я выбрал время полуденное, когда, вроде бы, все на работе, но многие могут ехать домой на обед. У многих уже обед. У участкового в том числе. Думаю, он не помешает, ведь его квартира не в этом доме. Да и у меня будет свободный час, думаю, мне хватит.

В кармане в чехле был острый перочинный нож, купленный в далёком детстве в память о курорте. На всякий случай я взял резиновую дубинку и быстрым шагом отправился творить добро. По дороге я увидел вдруг, как на меня даже люди смотрят с восторгом. Я даже мысленно залюбовался собой

со стороны. Форма служителя закона как бы требовала от меня своего. Я снял кошку, дико орущую на самой верхушке яблони, разнял дерущихся мальчишек, разогнал алкашей на детской площадке. И затем с чувством выполненного долга чести отправился по долгу совести.

Настойчиво позвонив в дверь, сдвинув брови, я... опешил, когда в дверях увидел поджарое тело, завёрнутое в банный халат (татарский на вид). Тугая сеточка плотно обтягивала череп с жиденькими волосами. Во время собравшись, я втолкнул удивлённого идиота в комнату со словами: «Это что же происходит? Вы почему, гражданин Григорьев, нарушаете дисциплину? Вы зачем с балкона водяные бомбочки в прохожих бросаете? Да это пахнет пятнадцатью сутками! В КПЗ». Ошарашенный, он только и мог переспросить: «Где?» Я показал скрещёнными пальцами рук решётку и указал рукой на окно, и, когда он повернулся по направлению моего указательного пальца, я размахнулся резиновой дубинкой и со всей силой двинул мерзавца по темени: «Вот тебе!» — и его голова послушно ушла вниз. Соскочившая с волос сеточка повисла на дубинке.

Я осмотрелся и прислушался. Свидетелей быть не могло. Только залепленные жевательной резинкой дверные глазки смотрели на меня безучастно. Я вошёл и закрыл дверь на замок. Хозяин дома уже дёргал ногой, и мне показалось, что я его одним ударом прикончил. Это было несправедливо. Жила на шее лежащего ещё пульсировала, и я убедился, что ещё

час жизни у него есть. Только какой жизни?

Наручники — мои постоянные спутники. Не раз они мне помогали. Пристегнув руки гражданина к трубе а ноги привязав к гире, которую приволок из коридора, я вынул перочинный нож и разрезал его одежду на манер мясников, которые надрезают шкуру животного на бойне, чтобы её легче было содрать. Моему взгляду открылось заурядное тело обычного смертного.

Я плеснул ему в лицо из чашки со стола. Ах ты, аристократ! Пьёшь натуральный кофе! Гуща из чашки прилипла к левому глазу. Кофе помог: тело стало приходить в себя. Я переспросил: «Гражданин Гаврилов Алексей Викторович?» Он: «Не-не-не-знаю. Что это? Как вы?» — «Я обвиняю вас в том, что Вы причастны к смерти Есиковой Алины Андреевны, Тучкова Ивана Денисовича, Павлова Фёдора Петровича, благодаря вашим действиям разрушились семьи Аброськиных и Мишевых, попала в психиатрическую больницу Синицына Светлана Александровна, получил инвалидность Кирюшин Андрей Гаврилович, семья Фатюшиных в кредитной яме, и многое, многое, многое...» Всё перечислить я не смог — меня мучили порывы гнева. «Я не виноват. Богом клянусь! Это правда. Бог свидетель!» — заверещал преступник голосом Володарского. Я не ожидал, что такое существо в свой смертный час не оставит заведённых привычек. Но его нельзя слушать, нельзя позволять ему говорить. И я ткнул его шокером прямо в раскрытую пасть. Шокер был почти

разряжен, но от его действия язык урода перестал действовать. Он только тупо моргал своими глазами.

«Кто же ты? — спросил я и тут же продолжал, — не трудись отвечать. Я скажу тебе. Ты — даже не животное, ты — мутант! Где-то глубоко в тебе живёт человек. Хороший. Добрый. Любящий. Я тебе покажу его. Ты будешь счастливый и настоящий». Я одел полиэтиленовый плащ, посмотрел на часы. «У нас уйма времени, дружище, — радостно сказал я, — целых 45 минут». С этими словами я сделал ему уколы лидокаина в грудь, ноги и руки. Затем я достал нож. «Тебе не будет больно». — успокоил я его. Через пять минут я стал разоблачать избранного. Видя, как сдирается кожа с его тела, он только тихо плакал. Последней была сорвана кожа с лица. «Я не прощаюсь, а вечером навещу тебя, — продолжал я его успокаивать, — и мы вместе за тебя порадуемся». Вечером я обнаружил его мёртвым, с раскрытым ртом. Я снял наручники, зачехлил видеокамеру, подошёл к мертвецу, перевернул его и вырезал на единственном нетронутом клочке кожи на его спине фразу, которой он был достоин.

Вернувшись домой, я вспомнил взгляд, который был на обезображенном лице, и слёзы брызнули из моих глаз.

Видео я так и не посмотрел...

4

— Благодарю тебя, мой друг Моше, — радостно вещал счастливый тетрарх, обнимая сгорбленную фигуру живописца и целуя его в жёлтое мрачное лицо, — Наконец-то ты из-

бавишь меня от ежедневных ночных кошмаров.

Возбуждённое состояние Антипы объяснялось многими причинами. Во-первых, нервозность, с которой он приветствовал появление картины, была вызвана бессонницей, которая нападала на него, как только сумерки касались нижних ступеней дворца. Со временем к бессоннице, присоединилась мания преследования. Всё чудилось озирающемуся властителю, что кто-то его выслеживает. Он стал резким, грубым. Однажды он закимарил днём за столом. Вдруг резкий звук разбудил его. Ничего особенного, рабыня с подноса уронила серебряное блюдо. Это не то, чтобы напугало царственную персону, а, явившись как бы усилителем параноидальных иллюзий, ввело правителя в бесконтрольную агрессию. Схватив с пола, что было под рукой, то есть кочергу, он начал размахивать орудием перед лицом обезумевшей от ужаса девушки, и рассёк ей кожу на голове и срезал кончик уха. Для того времени дело житейское, и, она, поревела да успокоилась, особенно когда увидела перед собой на блюде горку серебра.

— Господин, — попросил Арик, — Нам бы поговорить с глазу на глаз.

— Всё успеется, всё успеется.— напевал господин, поигрывая бровями в такт какой-то мелодии. — Друзья, — обратился он к присутствующей знати, — Я хочу вам что-то показать. Портрет Герода Великого!

В неожиданно наступившей тишине одиноко прозвуч-

чал испуганный звон упавшего кубка. Только Арик Моше вскрикнул: «Не надо!» Все взоры были прикованы к бледной горбоносой физиономии с хищным взглядом в центре холста. Казалось, никто не дышит. Моше боком, не глядя, подошёл к полотну и прикрыл изображение рабочей тканью. Все облегчённо выдохнули.

— Ну, друг, ты превзошёл всех, кого можно и кого нельзя. Такого я ещё не видел. Отец выглядит точь-в-точь как в последний день.— проговорил тетрарх, как только они уединились.

— Подожди, господин, — перебил его Моше, — ты ещё не знаешь тайны картины. Я прошу тебя, умоляю всем, чем только можно умолять, спрячь где-нибудь эту картину и не доставай никогда.

— Ты сошёл с ума. Так обращаться с изображением самого Герода Великого. Да ты забыл, как на монетах с изображением сего властителя запрещалось под страхом казни даже протирать от грязи изображение.

— Господин. Картина не принесёт счастья, а уж спокойствия лишит на долгие годы. Холст проклят, краски прокляты, талант проклят от рождения.

— Напугал ты меня. Ладно, уберу портрет (здорово же ты рисуешь, как будто лично знакомы), вот повисит немного в спальне.

— Ни в коем случае! Если дорога жизнь, то поступишь, как я прошу. Ещё одно условие: в картину с близи не смот-

реть. Иначе — беда!

Как бы в подтверждение слов в общем зале раздался испуганный женский крик и шум борьбы. Антипа и Арик бросились на тревожные звуки. У открытой картины стояло несколько человек в замешательстве. Ближе всех к страшному изображению стоял молодой белолицый юноша с ножом в руке и мутным взглядом — племянник Антипы. На режущей кромке ножа ярко рделись пятна крови. Неподалёку стоял на одном колене мужчина, наклонив голову и держась за живот. Порез был небольшой. Нож только скользнул по рёбрам, но вид крови привёл властителя в сознание.

Арик быстро набросил на полотно чехол и унёс в комнату, взглядом настойчиво приглашая заказчика художественной работы пройти с ним. Антипа не заставил себя долго ждать. Жестом махнул прислуге, застывшей в страхе и страже, не ожидавшей таких событий. Раненым и нарушителем занялись. Тетрарх, войдя вслед за Ариком, тревожно покосился на чёрный чехол прислонённого к стене портрета и, как будто испугавшись чего-то, быстро подошёл к художнику, схватил его за грудки и прошептал:

— Признавайся, в чём дело? Что ты натворил?

Арик был доволен, что теперь-то его слова не будут поняты превратно.

— Мой господин, — сказал он, — Возможно, в это трудно поверить, но постарайтесь хотя бы прислушаться. Ваш отец умер, и вы похоронили тело. Тело, которое по смерти изба-

вилось от наказаний, посланных ему. Наказано было не тело — наказана была душа жестокого царя. Это она была в язвах и кровоподтёках. После кончины тирана вы накрыли его холстиной, которая впитала не только кровь и гниль, а также его злобу, ненависть и подозрительность как свойства его души, но также проклятия тысяч несчастных, которые по воле жестокого, злого правителя испытали жуткие страдания.

— Откуда ты всё это знаешь? Тебя тогда ещё не было.

— Не знаю, а узнал. Когда я принёс холст домой и натянул на раму, уже тогда чувствовал, что кто-то или что-то присутствует рядом. Только не понимал этого. Поздно ночью, в час волка, долго глядя на пустое полотно, я стал различать очертания того, чего не увидеть нечаянно. Вскоре я видел всё: и царя Герода, гуляющего в саду, и толпы слуг, в страхе скользящих за господином, и группы родственников, с омерзением и презрением ждущих смертного конца великого родителя, и тебя, господин, держащего этот холст.

Антипа отшатнулся. Не может быть! Ведь он давно сам забыл эту деталь.

— Нет! Ты врёшь! Ты не знаешь. Этого никто не знает. И я забыл. Но уже снова помню.

— Я сначала хотел отказать тебе, господин, — продолжал Арик, — но фигура с полотна повернула ко мне своё гниющее лицо, и посиневшие губы сказали: «Ты хочешь жить. Твоя жизнь была в моих руках. Но я теперь знаю, почему ты избежал гибели. И там, в болоте, тоже. Ты — исполнитель

воли мёртвых, колодец в наш мир. Когда-нибудь ты узнаешь всё. Но нынче предстоит тебе служба...»

— Ты этого не видел. Тебе привиделось. Согласись.— прервал дрожащим голосом Антипа речь живописца. Не слушая, Арик продолжал вещать:

— «Я жесток. И люди ещё не раз в этом убедятся. Я это знаю. Ты видел меня, и теперь я не отпущу тебя до тех пор, пока не выполнишь просьбу моего глупенького Антипы. А чтобы ты убедился в серьёзности моих слов, мы сделаем зарубку на память». Он сошёл с холста в комнату, как будто пролез в окно, вложил в мою безвольную руку свой нож и поднёс его к моей шее. От страха я не мог ни дышать, ни двигаться, ни тем более сопротивляться, но каким-то чудом я исторг крик ужаса. В то самое время страшное видение слизывало капли крови с ножа. Затем оно вступило на холст и медленно стало погружаться, как в зыбучий песок, ухмыляясь. Потом ко мне ворвался отец. Может быть, он что-то увидел, потому что не колеблясь поднял нож с пола и всадил его в полотно.

— Если правда то, что ты мне рассказываешь, — мрачно проговорил начинающий приходить в себя тетрарх, то картине не место во дворце, в Иершалиме, да и во всём мире. Я уничтожу её, уничтожу память о Героде, сожгу её.

— Не так всё просто. — покачал головой Арик. — По завещанию царя храниться она будет именно во дворце. И если ты попытаешься уничтожить её, то проклятье, которое ле-

жит на полотне, падёт на осмелившегося, и тогда будет стёрт с лица Земли весь род Герода до последнего колена. И ты сам. Прими это, как тяжкий долг. Только здесь она может принести меньше горя людям. И только от тебя зависит, что будет дальше. Сегодня я потерял отца. Он ворвался в мою комнату и попытался защитить меня, всадив в холст нож. Но никто ещё не знает, что этим поступком он подписал себе смертный приговор. Нож, войдя в картину по рукоять, глубоко вошёл в тело отца под левой лопаткой. Утешая меня, он не замечал, как умирал сам. Только крупные густые капли, пролившиеся с намокшего от крови халата мне на лицо, поселили в моём сознании страшную догадку: портрет нельзя уничтожить.

— Мой друг, искренне разделяю твою скорбь...

— Спасибо. И спаси всех.

— Хорошо. Тогда я отправлю её в самое дальнее хранилище, чтобы под страхом смерти никто не смел его открыть.

— Это будет разумно. Но помни, что на тебя она всегда будет влиять как ни на кого другого. Ты выбран ей ещё до её появления. Даже оттуда, из самых глубоких и неприступных подземных хранилищ. — в смутной надежде лицо Арика просветлилось. — Будь как можно дальше от неё, и тогда, может быть, ничего страшного не случится. И не допусти, чтобы она когда-нибудь вырвалась на волю и отправилась странствовать по миру...

СТАТЬЯ ЧЕТВЁРТАЯ

— На голову мента падает кирпич...

— Мужики, я, наверно, дверью ошибся.

— Заходи. Все уже дома. Ну, что дальше?

— Ну вот, падает на мента кирпич. Проходит мимо недовольный таджик и возмущается: «Это чё такое вапще. А если бы шёл щеловек?»

— Гы-гы, ну что, Володь, растерялся, здесь центр разбора полётов.

— В греческом зале, в греческом зале...

— Да нет. Греческому до этого как мне до генерала.

— Не чумись, Ген, не каждый раз в таких хоромах работаем.

— Ну и у рабовладельцев нашего времени бывать не приходилось. Эй, ты, раб, подай мне трость и цилиндр! Да что ты? Приколоться нельзя? Больно же! Придумал — короной по заду. Там же острые зубцы.

— Это у вас острые зубцы. Опять жрали? Что? Чебуреки? Генерал объявил, что нам троим от отделения липосакцию проплатит. А мне тоже взяли? Данке шон. Тогда вопрос с повестки дня снимается. От жрачки плавно переходим к трупам.

— Я с медиком говорил. Смерть произошла в результате... Тьфу, короче, умер от совокупности причин: истечение кровью — раз, болевой шок — два, сердечный приступ —

три.

— Покойник был почтенный камергер?

— Ну, не то, чтобы старичок, а, как говорят в кругах избранных, зрелый муж. Спортивный. Местами на теле обнаружены мышцы.

— Где работал, не спрашиваю. Вижу, что безработный. А делом интересовались?

— Да ничего необычного. Простой советский работага-рабовладелец. Заметьте, во фразе ни одного слова неправды. Работал не покладая рук. Проходил по РУБОПу. Человек года по линии Интерпола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.